

Татьяна Павловна Рогожникова

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка, славянского и классического языкознания, Омск, Россия
e-mail: pmtr@mail.ru

Мария Владимировна Хоменко

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского,
аспирант кафедры русского языка, славянского и классического языкознания, Омск, Россия
e-mail: mvkh@gmail.com

**Репрезентация «субъекта» как жанрового признака прижизненного чуда
(на материале древнерусской и старорусской агиографии)**

Аннотация. Рассматривается коммуникативно-прагматическая структура рассказа о прижизненном чуде в составе житийного текста. Анализируются языковые приемы и средства репрезентации параметра «субъект» как наиболее стабильного жанрового признака. Проведено типологическое исследование, выявлены коммуникативно-прагматические подтипы и языковые способы выражения «субъекта».

Ключевые слова: агиография, прижизненное чудо, жанровый признак, субъект чуда, языковая репрезентация.

Tat'yana P. Rogozhnikova

Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Russian Language,
Slavic and Classical Linguistics Department, Omsk, Russia
e-mail: pmtr@mail.ru

Mariya V. Khomenko

Dostoevsky Omsk State University, Postgraduate Student of the Russian Language, Slavic and Classical Linguistics Department,
Omsk, Russia
e-mail: mvkh@gmail.com

**Representation of the “Subject” As a Genre Feature of a Lifetime Miracle
(Based on the Material of Ancient Russian and Old Russian Hagiography)**

Abstract. The article considers the communicative and pragmatic structure of the story of a lifetime miracle as part of a hagiographic text. The authors examine the language techniques and means of representation of the “subject” parameter as the most stable genre feature. A typological study was carried out, and the communicative-pragmatic subtypes and linguistic ways of expressing the “subject” were identified.

Keywords: hagiography, lifetime miracle, genre feature, subject of miracle, linguistic representation.

Введение (Introduction)

Рассказы о прижизненных чудесах (далее также — прижизненные чудеса и чудесные рассказы) как жанр и текстовое образование, равно как и житийные повествования, в состав которых они входят, строятся с опорой на образцовый текст. Известно, что для житий подобным образцом было Евангелие. В житийных же чудесных рассказах в качестве такой опоры выступают чудеса Иисуса Христа и чудеса в составе жития Николая Чудотворца. Как житие строится по канону, так и рассказы о прижизненных чудесах

имеют ряд постоянных тематических, сюжетных, жанровых и языковых признаков. Вместе с тем для многообразных житий святых разных исторических периодов характерны также и индивидуализирующие черты, что делает повествование, построенное по канону, оригинальным и самобытным. Это относится и к рассказам о прижизненных чудесах: в них описаны разнообразие герои, исторические события, бытовые детали, условия свершения чудес и проч. При этом в качестве стабилизирующих выступают в прижизненном чуде жанровые признаки и их языковые

репрезентации, которые в меньшей степени, чем содержание, подвержены вариативности и поэтому представляют особый исследовательский интерес.

Настоящее исследование посвящено языковой репрезентации одного из существенных жанровых признаков малого жанра «рассказ о прижизненном чуде» в составе русской агиографии. Малые жанры как часть «анфиладных» (термин Д. С. Лихачева [1]), по сути, житийных текстов (к числу малых относятся поучение, молитва, проповедь, похвальное слово, чудеса и др.) требуют более пристального исследовательского внимания и системного описания. Недостаточная изученность означенных жанровых форм, в особенности их языкового воплощения, придает актуальность тематике и проблематике настоящей работы. Объектом исследования выступает наиболее стабильный жанровый признак прижизненного чуда — «субъект», предметом — способы и средства языковой репрезентации данного параметра.

Литературный обзор (Literature Review)

В последние десятилетия малые житийные жанры редко становятся предметом специального филологического изучения. Так, Н. В. Трофимова рассматривает функционирование малых жанров в эпических повествованиях [2]. А. А. Медведев в своей кандидатской диссертации исследует малые жанры в составе русских святительских житий [3]. В этом ряду работ значимым видится вклад И. В. Стародумова в развитие теории агиографических чудес [4]. Между тем все указанные работы выполнены с литературоведческой позиции и не затрагивают лингвистического своеобразия чудесных рассказов. Относительно методологии и методики лингвистического исследования жанровых форм продуктивным представляется подход С. В. Травкина, изложенный в его диссертации, целью которой стала «...разработка (на примере жанра фэнтези) методики, позволяющей устанавливать жанровые границы и выявлять в рамках одного жанра различные типы художественного текста» [5, с. 4]. В новейших лингвистических исследованиях внимание ученых сосредоточено на изучении языкового выражения нравственного идеала в текстах различных исторических периодов [6; 7].

Методы (Methods)

В качестве основного привлечен коммуникативно-прагматический метод исследования. При этом специфика исследуемого историко-лингвистического материала диктует подход, отличный от применяемого отечественными жанроведами при изучении устных и письменных текстов в синхронии (подробнее об этом см. [8]). Так, нами разработана и обоснована методика исследования исторического материала, основанная на системном анализе рассказов о прижизненных чудесах по восьми коммуникативно-прагматическим признакам, или жанровым компонентам. Эти компоненты образуют жанровую модель чудесного рассказа, состав которой обусловлен тематически. Основу модели составляют четыре обязательных коммуникативно-прагматических признака жанра — «ситуация», «объект», «субъект» и «чудесное событие». Сове-

купность языковых репрезентаций этих признаков позволяет идентифицировать жанр при отсутствии других, более очевидных средств идентификации (например, заглавие рассказа).

Из этих четырех признаков базовыми являются «объект» и «чудесное событие», поскольку наличие в тексте языковых репрезентаций именно этих компонентов позволяет отнести его к исследуемому жанру. При этом параметры «объект», «ситуация» и «чудесное событие» взаимообусловлены и напрямую связаны с тематикой рассказа, а также характеризуются относительной вариативностью и широким спектром языковых средств выражения. В то же время «субъект» — наиболее стабильный параметр жанра. Ниже рассмотрим выявленные нами типы этого параметра, а также способы и средства его языкового воплощения.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

«Субъектом» чуда в рассказах о прижизненных чудесах святых выступает тот, по чьей воле или благодаря чьим усилиям происходит чудо. Сонм «чудесных деятелей» обозначим условно «небожители», к которым относятся Бог, святой, Богородица, ангелы, святой дух.

Признак «субъект» определяется по одному или нескольким сюжетным и языковым показателям. Так, творцом чуда является тот: 1) у кого просят помощи в проблемной ситуации; 2) кто совершает необходимые для чуда действия (молитва, крестное знамение, помазание) или передает средства для этого (святая вода, хлеб); 3) кто явился в видении; 4) чье имя прославило монастырь; 5) кому воздается благодарность.

Для рассказов о прижизненных чудесах показателен тот факт, что действуют в них два типа «субъекта» — святой и «небожители». И это закономерно, поскольку прижизненные чудеса призваны прославить святого, подтвердить его богоизбранность, духовную силу и мощь, а также показать его духовный рост, путь воссоединения с Божественным началом, которое происходит по смерти святого. В этом одно из основных отличий прижизненных чудес от посмертных: в первых святой действует как посредник между миром земным и миром небесным, между людьми и Богом, а во вторых он является частью мира небесного и действует в одном ряду с небожителями [9]. Поэтому для посмертных чудес характерен один тип «субъекта» — небожители, среди которых находится святой, а в рассказах о прижизненных чудесах возможны два типа «субъекта» — небожители и святой, находящийся на пути к ним. Показательно также то, что посредническая роль святого упоминается в самих прижизненных чудесах. При совершении чуда святой является инструментом в руках Бога, проводником Божьей воли среди людей: *величааху и славяаху Бога, творящаго дивная чудеса святым своим угодникомъ Кирилломъ* (ЖтКБ, с. 172)*.

* Здесь и далее: в круглых скобках приводится условное обозначение источника, в котором была обнаружена лексическая единица, и номер страницы. Полный список источников и их библиографическое описание приведены в конце статьи.

В результате более подробного анализа рассказов о прижизненных чудесах в составе житий Феодосия Печерского, Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского выделено четыре подтипа «субъекта» чуда, которые словесно репрезентируются в тексте:

1) «святой непосредственно» — в тексте представлено обращение «объекта» к святому за помощью и описаны действия святого, направленные на совершение чуда. Этот подтип «субъекта» находим всего в семи из 70 рассмотренных чудесных рассказов. Это тексты тематических разновидностей «изгнание бесов», «исцеление», «исполнение просимого», а также рассказ о «тушении огня» Кириллом Белозерским;

2) «святой с Божьей помощью» — в тексте представлено обращение «объекта» к святому за помощью, описаны действия святого, а также есть указание на то, что чудо совершается с помощью Бога, Богородицы, Иисуса или же в тексте присутствует формула благодарности святому и «небожителям»; такой подтип «субъекта» встречается в 17 текстах тематических разновидностей «изгнание бесов», «оживление», «исцеление», «исполнение просимого», в рассказах об «освоении грамоты» и «изведении источника» Сергием Радонежским;

3) «небожители» — в тексте представлено обращение «объекта» к «небожителям», но не обязательно за помощью; чудо может происходить без иницирующих обстоятельств, само собой; возможно отсутствие какого-либо упоминания о «субъекте», т. е. «субъект» оказывается имплицитным, только подразумевается. В тексте также может присутствовать формула прославления «субъекта». Характерно, что этот подтип отмечен нами как самый распространенный: он обнаружен в 35 рассказах, свойствен «видениям», «наказаниям» и «благоуханию», а также встречается в «исцелениях», «исполнении просимого», «материализации необходимого» и в рассказе о «крике младенца в утробе» в ЖтСР;

4) «небожители при косвенном участии святого» — в восьми текстах представлено обращение «объекта» к святому за помощью, святой молится или наставляет инок в вере, а также *обещает* разрешение проблемы. В текстах в качестве «субъекта» указаны «небожители» или же «субъект» остается имплицитным, но при этом из рассказа ясно, что чудо происходит не по воле святого, а как бы само собой; в трех текстах чудо совершается благодаря авторитету святого. Такой подтип «субъекта» характерен для рассказов о «материализации необходимого» и о «защите».

Тексты с первым подтипом «субъекта» призваны утвердить наличие у святого дара чудотворения и его способность самостоятельно нарушать законы природы с целью помочь нуждающемуся в этом «объекту» чуда. Рассказы, в которых встречается второй подтип, демонстрируют богоизбранность святого и готовность божественных сил содействовать его доброй воле. Тексты с третьим и четвертым подтипами «субъекта» свидетельствуют о том, что высшие силы покровительствуют святому, его обители и братии, оказывают им помощь и защищают от невзгод.

Любопытным представляется тот факт, что количество рассказов о прижизненных чудесах, в которых «субъектом» чуда выступает святой (и в первом, и во втором подтипе), растет от ЖтФП к ЖтКБ. Если Феодосий Печерский выступает «субъектом» лишь в трех рассказах из 21, то в житии Сергия Радонежского святой является «субъектом» чуда уже в трети чудесных рассказов (в шести из 18), и, наконец, в житии Кирилла Белозерского оба типа «субъекта» почти равноправны: 15 рассказов со святым в качестве «субъекта» и 16 рассказов — с небожителями.

Для языкового выражения исследуемого коммуникативно-прагматического жанрового признака, в отличие от иных признаков, характерен ограниченный набор лексических и грамматических средств репрезентации. Так, наиболее разнообразным и вариативным в плане языкового выражения является жанровый параметр «чудесное событие»: реализация этого параметра в большей степени связана с темой рассказа, в меньшей — с конкретным текстовым воплощением. Каждая тематическая разновидность чудесного рассказа предполагает свой тип чудесного события (видение, исцеление, защита и проч.), и каждый из них имеет свой набор средств языкового воплощения. Чего не скажешь о «субъекте»: в рассказах любой из тематических разновидностей возможен лишь один из четырех подтипов.

Способы обозначения субъекта систематизированы как прямой и косвенный. В некоторых случаях «субъект» остается имплицитным, т. е. вовсе не получает формального языкового выражения и лишь подразумевается средневековым религиозным контекстом.

Прямое обозначение встречаем в тех случаях, когда «субъект» является отправителем действия, т. е. наименование «субъекта» выступает синтаксически в роли подлежащего и сопровождается активным глаголом-сказуемым: *Богъ же пакы нескудьно подавааше ему* (ЖтФП, с. 396); *гадьмь осквьрьни сию Богъ* (ЖтФП, с. 410); *благый Богъ ино пакы чудо показа* (ЖтФП, с. 416); *Святый же помилвся о нем и честным крестом знаменавъ его, и прочее здрава сътвори* (ЖтКБ, с. 168); *Святый же елико мощно помолвся о ней и священной водою покропи тоя очи* (ЖтКБ, с. 176); *дарова ему Богъ сына* (ЖтКБ, с. 180); *помилова ю Богъ* (ЖтКБ, с. 182); или же является субъектом оборота «дательный самостоятельный»: *И се рекшу святому и мѣсто назнаменовашу, вьнезапну источникъ велий явися* (ЖтСР, с. 348); *Святому же пришедшу и противу пламени с честным крестом ставшу и Бога молящу* (ЖтКБ, с. 168). Частотным в ЖтКБ способом прямого обозначения «субъекта» выступают конструкции с глаголом и отрицательной частицей *не презрѣ*: *Разумѣ бо отъ самого того гласа святаго и видѣниа, яко не презрѣ Пречистая прошения его* (ЖтКБ, с. 148); *Готовый же къ услышанию молящихся Богъ и Пречистая Непорочная Мати Его не презрѣ моления святаго своего угодника Кирила* (ЖтКБ, с. 166); *Святый же моления его не презрѣ* (ЖтКБ, с. 176).

Среди косвенных способов репрезентации «субъекта» выделяется три типа формульных обозначений «субъекта», различающиеся лексическими и грамматическими средствами:

1. Хвалебно-благодарственные формулы, в которых глаголы с семантикой хвалы, прославления и благодарения сочетаются с аккузативом или дативом: *прослави Бога, спашааго я от такового съмьрты* (ЖтФП, с. 400); *славяща и благодаряща Бога* (ЖтФП, с. 400); *многа благодарения въздаваа Богу, творящему дивнаа и преславнаа чюдеса своим угодником* (ЖтСР, с. 382); *поя и славя Бога и Пречистую Его Матерь и святому Кирилу велие благодарение въздая* (ЖтКБ, с. 186).

2. Субъектные формулы, сочетающие в себе инструментатив и генетив: *молитвами преподобнааго имь отьца и наставника Феодосия* (ЖтФП, с. 410); *молитвами святого Сергия* (ЖтСР, с. 360); *благодатию Христовою и помощью Владычица наша Богородица, споспѣшествующе молитвы свяаго Кирила и от него принесеннаго хлѣба вкушениемъ* (ЖтКБ, с. 172).

Следует отметить, что формулы по типу последнего примера обнаружены только в ЖтКБ, при этом прослеживается разделение: в каждой такой формуле благодать проистекает от Христа, а помощь — от Бога и Богородицы. Формулы типа *молитвами святого* универсальны и наличествуют во всех трех житиях.

В субъектных формулах также может быть представлено «средство» чуда: молитва, вкушение хлеба и проч.

3. Притяжательные формулы, состоящие из абстрактного существительного в именительном падеже и притяжательного прилагательного или генитива, служащих для обозначения источника явления или его принадлежности «субъекту»: *явление от Бога бысть ему* (ЖтФП, с. 398); *се бо посѣщение Божие есть* (ЖтФП, с. 406); *Се бо благословение Божие есть* (ЖтФП, с. 412); *благодать Святого Духа дѣйствующа с тобою* (ЖтСР, с. 386); *гнѣвъ Божий постиже* (ЖтКБ, с. 168).

Среди номинативных единиц, называющих святого в качестве «субъекта», можно выделить несколько типов: 1) субстантиваты: *святой, преподобный, блаженный*; 2) одиночное личное имя: *Сергий, Кирилъ*; 3) эпитет, характеризующий лик святости: *преподобный, блаженный, божьствьный, святой* + имя; 4) комплексные единицы, в состав которых входит имя собственное, таксономический компонент, указывающий на духовный статус святого, а также эпитеты и местоимения, определяющие, по отношению к кому святой носит обозначенный статус: *Феодосий Печерский — отьць нашъ Феодосий; богодъновеньй отьць нашъ Феодосий; преподобный отьць ихъ и наставникъ Феодосий; блаженнымъ наставникъмъ и пастухъмъ своимъ Феодосиемъ*; *Сергий Радонежский — блаженный отрокъ; угодникомъ своимъ святымъ Сергиемъ*; *Кирилл Белозерский — святымъ своимъ угодникомъ Кириломъ; преподобнаго отца Кирила; блаженнымъ отцемъ Кириломъ*; 5) изобразительно-выразительные средства: *Феодосий Печерский — такъ свѣтилникъ въ мѣстѣ семь; свяаго челоуѣка Божиа суца его быти*; *Сергий Радонежский — Незлобивый же смирения дѣлатель; Милостива же она душа; таковъ свѣтилникъ; муж в величѣй свѣтлости дѣлании; хоцетъ быти съсуд избранъ Святому Духу; сего великаго пастыря и доброразсудную главу*.

В связи с номинацией святых представляются значимыми несколько наблюдений: 1) в отношении Феодосия Печерского автором употребляются в большей степени комплексные единицы, в состав которых входит слово *отць*, что указывает на его покровительство братии и пастве, при этом вовсе отсутствуют одиночное имя собственное; 2) Сергия Радонежского называют не *отцьмъ*, а *угодникомъ*, что подчеркивает его преданность Богу, а также для номинации святого в большом количестве используются тропы, что характерно именно для этого жития; 3) в житии Кирилла Белозерского употреблены и *отць*, и *угодникъ* и отсутствуют метафорические, метонимические и символические выражения.

Для обозначения «небожителѣй» в текстах рассказов о прижизненных чудесах употребляются простые и комплексные номинативные единицы, в состав которых входят формы таких слов и словосочетаний, как *Богъ, Господь, Исусъ (Христось), Отець, Сынъ, небесный владыка, Богоматерь, Богородица, Владычица, Пречистая, Приснодѣва Мариа, святой, пресвятой, истинный, Святой Духъ, ангель*. Характерно, что в части текстов о «видениях», «наказаниях», «благоухании» отсутствует какое-либо словесное обозначение творца чуда — «субъект» (высшие силы) остается в пресуппозиции.

Номинация «субъектов» чуда в целом не отличается от номинации святого и высших сил в остальных частях агиографического повествования, поэтому средства номинации не являются характерными чертами жанра, равно как и притяжательные формулы, которые в зависимости от лексического состава могут встретиться и в основной части жития. Языковыми индикаторами рассказа о прижизненном чуде выступают хвалебно-благодарственные и субъектные формулы. Эти формулы являются одной из наиболее устойчивых и показательных языковых характеристик рассматриваемого жанра, потому что, во-первых, как правило, оформляют конец рассказа о прижизненном чуде, сигнализируя о его завершении; во-вторых, развиваются и усложняются от самого раннего ЖтФП до самого позднего среди рассматриваемых — ЖтКБ; в-третьих, наличие хвалебно-благодарственных и субъектных формул характерно исключительно для рассказов о чудесах — в повествовательной части жития они не обнаруживаются.

Заключение (Conclusions)

Анализ рассказов о прижизненных чудесах в рассматриваемых агиографических памятниках позволяет заключить, что «субъект» прижизненного чуда проявляет идейную ограниченность в своей реализации: «субъектом» чуда выступает тот, кто производит чудо или по чьей воле оно происходит. В рассказах о прижизненных чудесах этот параметр имеет два типа реализации: святой и небожитель. Таким образом, признак «субъект» следует определить как наиболее стабильный жанровый параметр. Стабильность обеспечена ограниченностью новых реализаций, с одной стороны, и потенциальным расширением репертуара воплощающих его языковых средств. Среди выявленных и описанных нами средств языковой репрезентации наибольший интерес

представляют субъектные и хвалебно-благодарственные формулы как дифференцирующие языковые признаки жанра «рассказ о прижизненном чуде» в составе житий русских преподобных святых.

Перспективным представляется рассмотрение чудес в составе более поздних памятников русской агиографии, а также сопоставление с прижизненными чудесами святых других типов святости.

Источники

- ЖТКБ — Житие Кирилла Белозерского // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. Т. 7: Вторая половина XV века / РАН, ИРЛИ ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб. : Наука, 1999. С. 132–217.
- ЖТСР — Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. Т. 6: XIV — середина XV века / РАН, ИРЛИ ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб. : Наука, 1999. С. 254–411.
- ЖТФП — Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. Т. 1: XI–XII века / РАН, ИРЛИ ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб. : Наука, 1997. С. 352–433.

Библиографический список

1. Лихачев Д. С. Избр. тр. : в 3 т. Т. 1. О себе. Развитие русской литературы; Поэтика древнерусской литературы. Л. : Худ. лит., 1987. 656 с.
2. Трофимова Н. В. Функционирование малых лирических жанров в структуре эпических текстов (на материале древнерусского воинского повествования) // Текст как филологический феномен: актуальные аспекты рецепции и интерпретации : коллектив. моногр. / сост. и науч. ред.: Л. А. Трубина, В. К. Сигов. М. : Изд-во МПГУ, 2018. С. 75–103.
3. Медведев А. А. Поэтика святительских житий (на материале житий святых Петра, Алексия и Ионы московских) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 214 с.
4. Стародумов И. В. Жанровая специфика повествований о посмертных чудесах святых подвижников в составе древнерусской агиографии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2009. 21 с.
5. Травкин С. В. Языковые маркеры жанровой принадлежности текста (на материале романов фэнтези) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 24 с.
6. Стародубцева Н. А. Средства выражения нравственного идеала в языке житий русских святителей синодального периода // Научный диалог. 2018. № 12. С. 152–165. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-152-165
7. Дмитриева Е. Г. Религиозно-нравственный идеал в современных агиографических текстах: лингвистическая характеристика // Научный диалог. 2018. № 12. С. 64–74. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-64-74
8. Рогожникова Т. П., Хоменко М. В. Жанр прижизненного чуда в русской агиографии: коммуникативно-прагматический аспект // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитар. исслед. 2020. № 1 (26). С. 74–77. DOI: 10.36809/2309-9380-2020-26-74-77
9. Хоменко М. В. Жанры прижизненного и посмертного чуда: к проблеме дифференциации // Молодежь третьего тысячелетия : сб. науч. ст. / отв. ред. П. В. Прудников. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2020. С. 195–199.

References

- Dmitrieva E. G. (2018) Religiozno-nravstvennyi ideal v sovremennykh agiograficheskikh tekstakh: lingvisticheskaya kharakteristika [Religious and Moral Ideal in Modern Hagiographic Texts: Linguistic Characteristics], *Nauchnyi dialog [Science Dialogue]*, no. 12, pp. 64–74, doi: 10.24224/2227-1295-2018-12-64-74 (in Russian)
- Likhachev D. S. (1987) *Selected Works. Vol. 1: O sebe. Razvitiye russkoi literatury; Poehtika drevnerusskoi literatury [About Myself. Development of Russian literature; Poetics of Old Russian Literature]**. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 656 p. (in Russian)
- Khomenko M. V. (2020) Zhanry prizhiznennogo i posmertnogo chuda: k probleme differentsiatsii [Genres of the Lifetime and Posthumous Miracle: To the Problem of Differentiation]*, *Prudnikov P. V. (ed.) Molodezh' tret'ego tysyacheletiya [Youth of the Third Millennium]**. Omsk, OmGU Publ., pp. 195–199. (in Russian)
- Medvedev A. A. (2017) *Poehtika svyatitel'skikh zhitii (na materiale zhitii svyatykh Petra, Aleksiya i Iony moskovskikh) [Poetics of the Hierarchs' Lives (Based on the Material of the Lives of Saints Peter, Alexy and Ionah of Moscow)]**, Cand. philol. sci. diss. Moscow, 214 p. (in Russian)
- Rogozhnikova T. P., Khomenko M. V. (2020) Zhanr prizhiznennogo chuda v russkoi agiografii: kommunikativno-pragmaticheskii aspekt [Genre of a Lifetime Miracle in Russian Hagiography: A Communicative-Pragmatic Aspect], *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya [Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research]*, no. 1 (26), pp. 74–77, doi: 10.36809/2309-9380-2020-26-74-77 (in Russian)
- Starodubtseva N. A. (2018) Sredstva vyrazheniya nravstvennogo ideala v yazyke zhitii russkikh svyatitelei sinodal'nogo perioda [Means of Expressing Moral Ideal in Language of Hagiographic Texts About Russian Hierarchs of Synodal Period], *Nauchnyi dialog [Science Dialogue]*, no. 12, pp. 152–165, doi: 10.24224/2227-1295-2018-12-152-165 (in Russian)
- Starodumov I. V. (2009) *Zhanrovaya spetsifika povestvovaniy o posmertnykh chudesakh svyatykh podvizhnikov v sostave drevnerusskoi agiografii [The Genre Specificity of the Narratives About the Posthumous Miracles of the Holy Ascetics As Part of the Old Russian Hagiography]**, Cand. philol. sci. diss. Abstr. Omsk, 21 p. (in Russian)

Travkin S. V. (2019) *Yazykovye markery zhanrovoi prinadlezhnosti teksta (na materiale romanov fehntezi) [The Linguistic Markers of the Genre Affiliation of the Text (Based on the Material of Fantasy Novels)]**, Cand. philol. sci. diss. Abstr. Moscow, 24 p. (in Russian)

Trofimova N. V. (2018) *Funktsionirovanie malykh liricheskikh zhanrov v strukture ehpicheskikh tekstov (na materiale drevnerusskogo voinskogo povestvovaniya) [The Functioning of Small Lyrical Genres in the Structure of Epic Texts (Based on the Material of the Ancient Russian Military Narration)]**, Sigov V. K., Trubina L. A. (ed.) *Tekst kak filologicheskii fenomen: aktual'nye aspekty retseptsii i interpretatsii [Text As a Philological Phenomenon: Actual Aspects of Reception and Interpretation]**. Moscow, MPGU Publ., pp. 75–103. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by author of the article.